

пела в церковном хоре. Могла ли она быть атеисткой? Поэтому так усердно молится и теперь ежедневно, утром, днем и вечером» (с. 24). Чудесное в легендах он непременно стремится объяснить рационально: например, исцеление слепого объясняет силой его веры, историю о том, как Александр Ошевенский «отвел» воду от деревень Большой и Малый Халуй, — «шуткой» природы; излагая рассказ о Божьей каре за кощунство, предполагает, что кирпич был сброшен на богохульника порывом ветра или чьими-то руками; прозорливость «дедушки-провидца» объясняет его мудростью, приобретенной благодаря жизненному опыту. Иногда вполне в духе советской атеистической печати Ажгибков может вставить шпильку в адрес сферы сакрального. Например, вместе с героем истории — ошевенским мужиком посмеивается над «строгим и злым» священником, наложившим на того эпитимью: мол, в семье священника трое кривых, Бог знает, кого наказать! (с. 26); комментирует легенду об Александре Ошевенском: «Похоже, Ошевенский угодник божий был злой и мстительный человек. Деревни наказывал...» (с. 10). В то же время по большей части священники описываются им вполне нейтрально, а вера — чуть ли не уважительно (если, конечно, не считать очерка о баптистах — «самой злой и жестокой вере»); «воинствующие безбожники» и вовсе вызывают у него плохо скрываемое отвращение (см. рассказ о разграблении Челмогорского монастыря).

Ажгибков дает собственную оценку историям и их героям: например, в не вошедшем в публикацию рассказе о жившем при монастыре инвалиде Дмитрие Тарасове подчеркивает, что тот «не был тунеядцем» и «труд его спасал» (с. 28, 29)¹²; а один также не вошедший в публикацию бытовой рассказ носит показательное название: «О хаме и тунеядце» (с. 11—12). Эмоциональным отношением проникнуты рассказы о якобы отравивших женщину баптистах и «загубленной жизни» неудавшейся «схимницы». Часто в изложение рассказов «бабушки Вари» вклиниваются рассуждения и воспоминания самого Ажгибкова. Например, передавая рассказ о Дмитрие Тарасове, он вспоминает о своей собственной встрече с ним. За легендой о том, как Александр Ошевенский «отвел» воду, следует (уже от лица Ажгибкова) очерк «Омут» (с. 9—10) — воспоминание о том, как в 1929 г. учитель естествознания, физики и химии водил своих учеников из школы крестьянской молодежи на место, где река «уходит под землю»; очерк начинается со

слов: «Об удивительном же омуте Варя ничего не говорила, но он тоже достоин внимания». Рассказ о том, как семья Бахваловых, зарабатывавшая изготовлением извести, «заболела глазами», но исцелилась, по обету построив часовню, содержит вставку-воспоминание о гашении извести. Так голоса краеведа-бытописателя и его информанта сливаются в едином повествовании.

Тексты публикуются с исправлением пунктуационных и заведомых орфографических ошибок; особенности речи сохраняются; авторские подчеркивания сохраняются; вставки публикаторов даются в квадратных скобках.

Примечания

¹ См.: Власов А.Н., Комелина Н.В., Васкул А.И. Фольклорная экспедиция ИРЛИ 2007 г. // Русский фольклор. Т. 33. СПб., 2008. С. 510—514.

² На обратной стороне его последнего рисунка «Иисус Христос» написано прощальное обращение: «До свидания, река Вага, сосновые красивые боры, белые грибы. До свидания, добрые люди Верховажья и мои хорошие ученики. Последний поклон всем! Дни и часы мои уже сочтены, не осталось никаких надежд на выздоровление» (Завьялова А.В. Творчество наивных художников как отражение национальной самобытности русской души (по материалам Верховажского районного исторического музея Вологодской области) // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вып. 1. Вельск, 2002. С. 125).

³ Завьялова А.В. Т.В. Ажгибков и его рукопись «Родословная крестьянской семьи Головачевых — Дружининских, II половина XIX — I половина XX в.» // Важский край... Вып. 2. Вельск, 2004. С. 239—240.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Завьялова А.В. Творчество наивных художников... С. 123.

⁶ Книжная коллекция была подарена районной библиотеке перед отъездом в Каргополь.

⁷ Завьялова А.В. Т.В. Ажгибков и его рукопись... С. 239.

⁸ Там же. С. 240—244.

⁹ «Верховажье в конце XIX — начале XX вв. (социальный и культурно-бытовой очерк 22 года жизни 1895—1917 гг.)». С. 1. (Рукопись без шифра.)

¹⁰ См. публикации отрывков в: ЖС. 2009. № 1. С. 11; ЖС. 2009. № 2. С. 13—14.

¹¹ Завьялова А.В. Творчество наивных художников... С. 122.

¹² Ср. схожий комментарий в истории «бабушки Вари» об одноруком охотнике: «Он паразитом за чей-то счет никогда не жил!» (ЖС. 2009. № 2. С. 14).

«РАССКАЗЫ БАБУШКИ ВАРИ»

(из записок Т.В. Ажгибкова)

[с. 1] Рассказы бабушки Вари

1) В первую очередь слово о самой бабушке. Она — Варвара Попова. В детстве. Варвара Алексеевна Широких в замужестве. Родилась в крестьянской состоятельной и трудолюбивой семье в деревне Погост Ошевенского сельсовета (в те далекие времена — волости) 17 декабря 1901 г. То есть в начале нашего XX необычно сложного века: ей сейчас идет уже 93-й год. А о том, что она родилась под созвездием (и под знаком?) Стрельца, она узнала только вчера — 31 июля 1993 года. 17 декабря и будем мы отмечать дату большой жизни, 93 года. Жила он[а], не взирая на звезды и созвездия. И что там, и где тот самый Стрелец, если она не смотрела ночами на звезды, не считалась с положениям[и] и фазами Луны. Вся эта средневековая наука прошла мимо нее. Точнее сказать, Варя прошла мимо той паршивой и лживой науки. Цыганка при гадании конкретна и менее лжива. И плевать нам на астрологию.

Долго жить — это значит очень много видеть в жизни, много знать, о многом подумать и передумать и даже много помнить. Варвара Алексеевна многое помнит. Память ее в далеком прошлом поразительна. И ее интересные рассказы надо обязательно написать. Они достойны внимания и интереса. События неповторимы. <...>

[с. 24] Дом Алексея Попова на Погосте был близ моста через речку Чурьегу найсокос. А от моста до монастыря Ал[ександра] Ошевенского расстояние метров 400, не больше. Девочка Варя хорошо знала жизнь монахов, а также и своих сельчан. Имея отличную память в свои 93 года, она рассказывала очень много. <...>

[с. 4] Дедушка-провидец

Однажды зимой в Крещенье на реке у иордани стояли на реке Чурьеге, и чудо было: гром гремел, молния сверкала и дождь лил. Все люди были очень встревожены. Такого не видали ни в жизнь. Седой дед, которому было уже за 90 лет, успокаивал людей: «Ничего не бойтесь, год будет хороший, все это к хорошему урожаю!» [с. 5] И что же. Слова дедушки оказались пророческими. Богатый урожай всех хлебов и картофеля был в том году.

А в другой год в Крещенье был жуткий мороз. Наверно, Т° была ниже 40°. Все жалели батюшку, как он при таком морозе голыми руками трижды крест [вставлено: «будет»] окунает в иордани. Батюшка сказал, что он вытерпит, руки он спиртом протер (а возможно, принял как внутреннее лекарство). Тот же день

дедушка объявил, что год будет трудный, тяжелый. И в самом деле — в [вставлено: «начале»] июля месяца заморозок был такой, что на овсе в ночь заморозки повисли. Прекратился рост и трав, и хлеб. Урожай был очень плохой. Мужики ездили в Каргополь хлеб покупать. А семена частью сохранились в магазине да добывали, кто где мог. Вот такой был дед в Ошевенске до революции.

[На полях: «Долгий опыт жизни научил деда быть мудрым. К сожалению, мудрость не каждому дается.»]

По совету ангела

Жил в Ошевенске молодой мужик Прокопий. Потом и семью стали называть по его имени Пронины, так всегда прозывали. А Проня был слепой. Но однажды он видел удивительный сон. Во сне к нему явился ангел и сказал, чтоб Проня сготовил и поставил крест в определенном месте. Проня сам сделал крест (тут неизбежно встают вопросы: Как? Слепую? Наощупь? Или уже во время изготовления креста он силою веры своей начал излечиваться? Велика сила веры! На этом строят свои чудеса колдуны, кашпировские и прочие шарлатаны). Проня поставил крест и исцелился от [с. 6] слепоты. Было это еще в начале нашего века.

Спаситель ангел и погубитель Сталин

На левом берегу реки Халуя в Ошевенском сельсовете близ деревень Большой и Малый Халуи есть высоченный берег, сплошь состоящий из плит известняка.

Предприимчивые мужики из Большого Халуя Бахваловы мастерски готовили известь. Они ломали, крошили плиты известняка. Из кусков складывали печи и топили их, обжигая до тех пор, пока порода не становилась рассыпающейся. Плохо обожженные куски снова попадали в печи. Лучше Бахваловых никто не мог готовить великолепную известь. А ее требовалось очень много. Нужно было белить огромные храмы в Каргополе и каменные церкви в деревнях, например в таких, как Калитинка. Кроме того, была «мода» к Пасхе белить избы: потолок и стены внутри здания. И когда перед Пасхой в избах все побелят: печь, лежанку, стены и потолок, то это было очень красиво, чисто и бело, даже блестяще и даже в санитарном отношении полезно, хотя крестьяне ничего не читали по санитарии, а просто любили чистоту и красоту. Кстати сказать, обоев тогда в деревнях и в помине не было. По крайней мере, я не видал в детстве ни одной избы, оклеенной обоями или шпалерами (шпанерами), как тогда говорили.

Бахваловы везли известь городу и развозили — продавали в деревнях.

[с. 7] Помню, «как гасили известь». Кипятили воду, в углях накаливали камни; в большом ушате, в котором было до половины извести, доливали ее водой и потом опускали накаленные камни. Известь бур-

лила, била вверх струями. Ушат прикрывали крышкой. Да если хорошую известь залить водой комнатной температуры, она и то бурлила и оттуда брала жгучее тепло, странная штука известь. Известь Бахваловых камней не оставляла. Иная хозяйка хвалила ее так: «Известь-то хорошая, как сметана». Ею и наводили красоту в избе к весеннему празднику Пасхе.

Правда, в деревнях Верховажского рай[о]на строганные стены и потолок иногда также к Пасхе мыли с «дресвой» — с крупным песком, натолочен из камня-песчаника. Но это дьявольски тяжелая работа. Видимо, известь туда не доходила совсем. Так было и в Вакоmine. В 50-е годы там внутренние стены и перегородки стали оклеивать обоями.

В семье Бахваловых началась странная болезнь: все семейные заболели глазами (может, болезнь была как-то связана с известью?). Но вот однажды самому хозяину «видение» было: ангел ему явился и посоветовал построить часовенку. Хозяин последовал совету ангела-спасителя и часовенку на свои средства и во многом сам с сыновьями, родственниками, часовенку построил. После освящения этого малого храма [с. 8] Бахваловы стали поправляться и все вылечились. Ангел помог? Или вера?

В 1929 году, в год великого перелома Бахваловых сначала «закулачили» (или окулачили, как тогда говорили), а там раскулачили. То есть все имущество отобрали и пустили с торгов. Хозяин[а] выселили. Сталин-погубитель и его сатрапы работали [не]редко грубо. И часто нечестно.

Судьба членов семьи Бахваловых так и осталась неизвестной. Есть ли кто из потомков — никто ничего не знает. Бахваловы, между прочим, было их прозвище, их настоящая фамилия мне [неизвестна].

Теперь изготовлением извести никто не занимается. Дело это заброшено. Колхозам было не до того. А что там есть теперь, высится ли стеной известняка левый берег речушки Халуи?

Легенда старая и, пожалуй, недостоверная!²

Александр Ошевенский хотел основать монастырь на высоком берегу этой реки Халуя. Место красивое, простор большой, широкий. Но мужики деревень Большой и Малого Халуя ему строить монастырь не позволили. Рассердившись, Александр Ошевенский сказал им: «Я лишаю вас воды. Вы будете жить у воды, но без воды...» И он отвел воду. Но как выше деревни Большой Халуи примерно на полкилометра река сворачивает вправо и с шумом, даже ревом, всем потоком уходит под землю. Пожалуй, она туда бросается [с. 9] водопадом. Старое русло остается сухим, лежат крупные камни. Вид безрадостный. Действительно, деревни остались без воды. Под землей река идет, видимо, километра три. И там выходит, вероятно, в низине наружу.

Деревни были наказаны жестоко. Но мужики ни в чем не виноваты, и чуда Алек-

сандр Ошевенский не совершил. Воды напором своим и волнами размыли известняк, образовались пещеры. По ним и пошла свободно вода под землей. Конечно, это чудо природы. И, вероятно, великая, а может, и единственная ее игра; природа пошутила. Когда? Наверно, задолго после [до?] Александра Ошевенского. Есть ли еще где на земле подобное удивительное и чудесное образование, редчайшее явление. Что говорят об этом ученые?

А верующие люди свое слово уже давно сказали; по-своему объяснили этот феномен природы. <...>

[с. 19] Судьбы членов семьи Захаровых

Тимофей Матвеевич Захаров с юных лет после успешного окончания школы работал помощником писаря, а потом и писарем уездной управы в Каргополе. Пережили годы войны и революции, потом в 20-е годы выучился на бухгалтера и стал работать в этой должности в правлении Райпотребсоюза. <...> [с. 21] С самим же Тимофеем Матвеевичем Захаровым был случай. В [так!] один друг звал его идти выпивать в природе. Далеко ушли в места дикие и болотистые. Сели, по стаканчику налили. А у Тимофея была присказка «Дай Бог, не последнюю». Только это сказал, как густой туман все покрыл. Друг исчез, и в руках Тимофея был не стакан, а еловая шишка. Он стал бродить по лесу, совсем заблудился. Было такое вечернее время, он услышал колокольный звон и на него благополучно вышел. С тех пор и пить бросил. Если это последнее сказание — не байка, то это лучший способ лечить пьяницу: в лесу их заблудить да еще лешим пугнуть. <...>

[с. 27] Лошадь не пьет!

Василий Березин был содержателем трактира и, конечно, довольно богатым человеком еще в годы царизма.

Был дома в гостях. А потом с ошевенскими женщина[ми] поехал в Питер [вставлено: «их зазвали»] гости! Остановился в чужом трактире на пути. Увидал, что тут солдаты пьют коньяк. Березин заказал себе шампанское и угощал спутниц. Солдаты смеялись: «Вон какое вино пьет, а еще и важничает». Березин заказал сразу 12 [здесь и далее было написано 10, затем исправлено на 12] бутылок коньяку и приказал принести ведро. Приказал слить все 12 бутылок в ведро и отнести его лошади. Официант послушался приказа и коньяк отнес, и пытался поить им лошадь Березина. Вернулся и доложил: «Лошадь не пьет». — «Вот видите, скалозубы: моя лошадь не пьет. А разве я буду пить эту дрянь!» Так он с солдатами разговаривал. Наследство Березина принял его племянник, который имел очень хорошую лошадь и разъезжал по делам на ней. <...>

[с. 30] А вот еще был случай

Один мужчина, ну назовем его Павел, отказался быть церковным старостой. Церковный совет его избирал, а он все-

таки отказался. В скором времени пошел на сенокос. И большой-то грозы не было, а молния на тропе еще ударила в него, по всему прошла, в голенища прошла, подошвы сапог поотрывала, а сам он чудом остался жив. Но напугался он беспредельно. Понял, что, видно, бог его наказывает. Пришел в церковный совет в клир и заявил: «Буду служить господу и верой и правдой!» Избрали его, и он хорошо служил пять лет. <...>

[с. 31] Верь не верь, но факт был

Лекшмозерская подружка Вари сообщила ей случай, как господь расправился с человеком. Может, не сам лично?

Южнее большого озера, которое называется Лекшмозер[о,] недалеко от берега находился древний Челм[огор]ский³ монастырь. В тех местах, кроме камней и реликтовой (двухсотлетней?) ели, ничего не осталось, монастырь громили и воровали в 30-е годы под гениальным руководством верховноатеиста Миная Изра[и]левича Губельмана, который «перекрасился» на все 100% и стал Емельяном Михайловичем Ярославским (ярославские жители не могли противиться такому иудейству). Молодой парень 27 годов все бегал из деревни и монастыря и смотрел, как идет погром, и громко издевался на[д] иконами и всеми угодниками. Некоторые иконы были написаны прямо на стенах, их разваливали вместе с глыбами кирпича. [с. 32] Показывая святому угоднику фигу, ретивый «воинствующий безбожник» все повторял: «Ну что ты со мной сделаешь, боженька? Ничего не можешь, а тебе старухи так молились». Ну, одним словом паясничал как мог в монастырском храме, который рабочие разбивали ломом. Однажды они ушли на обед. Возвратились на работу и — о чудо — нашли того парня лежащим на полу. Сверху упала глыба кирпича, сбита с ног и разможила ему голову. Все люди подивились этому. Наверху стены никого из рабочих не было. Может, кто подстроил ловушку? Может, порыв ветра сорвал кирпич? Все загадки. Парень погиб: верующие укрепились в своем понимании силы господней: господь бог наказал безбожника. Не издевайся над святыми.

А там монастырская многолетняя ель стоит и теперь. Она как достопримечательность земли каргопольской. <...>

[с. 33] О «работе» баптистов

Баптизм — самая злая и жестокая вера. И вот был случай в Архангельске. У одного партийного большого работника погиб старший сын, которого так любила мать. Очень она тосковала. Баптисты обратили на нее внимание и решили отдать ее в жертву богу. К бедной женщине стала постоянно [ходить] одна баптистка и упорно начала ее по-своему обрабатывать [так!]. Что всю печаль можно похоронить, если провести обряд похорон матери. Добилась эта дикая баптистка своего. Женщина согласилась играть, что ли, в обряд похорон.

[с. 34] В этом была ее ошибка. Мужу о связях с баптистами женщина ни слова не сказала. И в тот день, когда она должна быть похоронена, женщина напекла много пирогов. Младший сын видел это и все спрашивал, кому же мама печет столько пирогов. Чтоб успокоить сына, мать говорила, что это на свадьбу. А где, какая свадьба. Жертва богу была преподнесена: женщину отравили во время этих похорон. И пироги пошли не на свадьбу, а на поминки. Баптистов раскрыли, поймали и судили за преступление. Вот есть и такая вера в бога.

Тяжкие превращения человека

Молоденькая девушка 14 лет с подружкой ходила в монастырь — носила тоже ягодок схимнику Паисию⁴. Паисий дал ей читать молитвенник и жития святых. Подарил книжку. А так как с девочками Паисий говорил ласково и добро и убеждал девочек верить в господа бога, молиться ежедневно и не грешить и добро относиться ко всем людям, и к лошадкам, и коровкам, ко всем идти с добром, то его поучение на впечатлительную со слабой нервной системой девочку произвело огромное впечатление, и она решила тоже стать схимницей. Дома вслух читала и даже пела молитвы, житие святых, Евангелие. Мать ее даже хвалила. И когда дочка объявила, что станет схимницей, как отец Паисий, то мать не отговаривала. А отец, постоянно занятый работой, не обращал внимания на причуды [с. 35] дочери. Сшили юной схимнице длинное черное платье, нашли белые кресты, и дома она носила эту схиму. На сарае была особая комнатка, там она жила с весны до осени в полном уединении. Кто знает, может, молодость ее и звала на гулянья к подружкам, на пляски к мосту. Но раз она прекратила с ними разговаривать, отвернулась от нее и даже забыли. Иногда со смехом вспоминали: «Наша святая схимница!» Но в жизни Насти произошел удивительный переворот. После 16 лет схимничества ей попался в руки случайно журнал «Безбожник». Младший брат принес из библиотеки. Она сначала с ужасом, затем с удивлением и потом с великим интересом перечитала весь журнал-еженедельник от начала до конца. И потом просила, чтоб такие газеты брат тайно приносил ей. Год чтения антирелигиозных изданий перевернул всю душу девицы (ей уже 30 лет!). Оказалось, все, чему она верила, поклонялась, служила, чему отдала лучшие юные годы, — все это выдумки, фальшь, сказки и даже настоящая ложь. Она рыдала в одиночестве. Пыталась молитвами заглушить голос разума. Но не удалось. Тяжкое превращение, переворот, излом сознания никогда и ни у какого человека не проходит бесследно. Брат принес ей книжку Лиливы [так!] Войнич «Овод». В душе Овода-Артура она нашла свое прочное отражение. Все изме[с. 36]нилось в ее жизни. Надо возвращаться к человеческому образу жизни. Тайно от матери в печке сожгла свой черный наряд-схиму. В праздник

пошла к мосту посмотреть на веселье молодежи. Ее бывшие подружки все повзросли замуж, а эти юные девушки и юноши не знали ее. Она поняла, что юность ее погибла. Все это переживала тяжело и рыдала в одиночестве по ночам. Женщину можно только пожалеть. Потом она по-своему развернулась. Всем объявила, что со схимой покончено, она не верит попам и монахам и что сказки о боге — ложь. Ударилась в другую крайность. Ее считали теперь помешанной. Она стала гулять, пить, ругаться и богохульствовать. В начале 30-х годов завербовалась на работу в Мурманск. В группе молодых парней и девушек уехала в Мурманск. И там навсегда затерялся ее след. Что там было с ней — об этом никто из жителей села не знал толком. Говорили, что вышла замуж за старика матроса, уехала на рыболовческом судне в море. Она никому ни слова не писала. Жизнь где-то и как-то кончилась. Вывод ясен: не ходите, девушки, в схимницы, ничего доброго из этого не будет.

По ТВ был показан женский монастырь в гор. Иванов[о] («А в Иванове много невест»). Бедные юные девушки, одетые в черные колпаки и в черные до пят не особо-то удобные платья, ходят по монастырском подворье. На скотном дворе дают корм коровушкам. Сожалеете вы о своей юной загубленной жизни?

[с. 37] Необыкновенная любовь

В старом Питере, еще при царе было это событие. Молодой юноша всей душой влюбился в цыганку, в красавицу. Жениться хотел на ней. Да где там! Родители ни в каком случае не позволят. Нашли богатую невесту. На ней и женили. Свадьба была летом. Окна квартиры были открыты. И вот во время пира под окнами прошла цыганка и запела их любимую песню. Жених выскочил из-за стола и к ней. Родные и гости его догнали и силой увели домой. А цыганку под пьяную руку бросили в Неву. Ее все же в реке нашли, вытащили и отправили в больницу. Врач выходил ее и сам в нее влюбился. Тот юноша, что был против воли женат, разузнал, что цыганка спасена и где-то в больнице. Стал ходить и все же нашел свою любимую. Но врач не допустил его к ней. Сказал, что она умерла и вот [в] лаборатории в банке заспиритовано ее сердце. Врач обманул парня и отдал банку и приказал банку спрятать в шкапулку и [стал] по желанию смотреть на это сердце. Ловко разыграл, потому что в спирте было собачье сердце. Тот врач женился на цыганке. Шкапулку молодой муж поставил на комод и часто вечерами открывал ее и смотрел на сердце. Жена заинтересовалась, сумела раскрыть шкапулку и удивилась, что в банке собачье сердце. Мужу она сказала, что он любит собачьим сердцем. Жестокое обиденный судьбой и обманутый врачом тот молодой человек покончил с собой — выстрелил в свое сердце. Варя не помнит точно его имени.

[с. 38] Рассказ слышала еще девушкой от своей тети в Ленинграде.

Что делает жадность?

У богатых жителей в их собственном домике жили двое слуг: муж дворник и сторож, жена кухарка и уборщица. А жили только трое хозяев: старик и старуха и их сын, ученый, который часто ездил за границу и работал там. Он привозил много денег и отдавал родителям. А они скупые были, тратили мало. Когда умер старик, старушка все деньги разделила пополам и забила в подушки. Одну подушку с деньгами положила под голову мужа. Другую завещала положить ей в гроб под голову. Старушка тоже вскоре умерла. Слуги выполнили точно ее завещание. Когда приехал из-за границы сын, он у слуг спросил, где же деньги. Они совсем не знали, что деньги уже закопаны в могиле. Слуг обоим судили и посадили в тюрьму. А тому ученому приснился странный сон: будто бы мужики не только сказали, где деньги, а показал[и] ему на кладбище обе могилы. Это его потрясло. Он организовал вскрытие могилы матери. И точно: труп уже сгрызли крупные могильные черви и даже прогрызли подушку, и тут валялись деньги. Тот ученый муж был поражен: муж и жена, верные слуги, сидят в тюрьме невин[н]ые. Денег из могил он не взял: собственность родителей, поставил памятник и на могилах чаши с изображением денег и в землю уходящих червей. Слуг освободил и приказал жить в своем доме!

Примечания

¹ Цифрой 2) отмечен следующий очерк о святках, далее нумерация текстов отсутствует.

² О «народном житии» Александра Ошевского и в частности о данном сюжете см.: Мороз А.Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2009. С. 142—202.

³ О Кирилло-Челмогорской пустыни и в частности о данном сюжете см.: Минеева И.Н., Пигин А.В. Святые Лекшмозерья // ЖС. 2007. № 1. С. 49—51.

⁴ Из очерка Ажгибкова «Кто такой схимник?»: «В Ошевском монастыре был схимник Паисий. Он жил один в келье, где было занавешено окно. Он в темноте жил и там ослеп. Но имел очень красивый голос. Поэтому его приводили в храм. Сажали на скамью. И в нужный [час] по ходу службы он пел псалмы и молитвы. Его все уважали. Пищу ему носили. Однажды девочка Варя принесла ему блюдо свежих ягод малины и смородины. Он удивился, что много, и просил часть взять с собой обратно. Но она оставила все ягодки. Пусть святой Паисий молится за нее. После закрытия Ошевского монастыря его выселили в дом престарелых монахов, где он и скончался» (с. 18).

Публикация М.В. АХМЕТОВОЙ;
Гос. республиканский центр русского фольклора; А.Н. ВЛАСОВА;
Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

А.Б. МОРОЗ

«СТАРИННЫЕ СЛОВА» В ШКОЛЬНОЙ ТЕТРАДКЕ

Среди наших информантов есть такие, общение с которыми было особенно интересно и полезно для участников экспедиции, чьи имена мы часто вспоминаем и отношения с которыми не ограничиваются двух-четырёхнедельным сроком обследования села, а продолжают потом многие годы. Одна из них Александра Алексеевна Дьяченко (далее А.А.), жительница с. Ухты (Каргопольский р-н Архангельской обл.). Она родилась в 1933 г. в том же селе Ухте, училась в Каргополе, после чего несколько лет работала учителем в семилетней школе в Карпогорском (сейчас Пинежском) р-не. Педагогической деятельностью А.А. занималась недолго, пришлось работать в разных лесопунктах Карелии и Каргопольского р-на, затем у себя в Ухте в колхозе и в библиотеке. В своих рассказах «о старине» А.А. постоянно ссылаясь на бабушку, от которой она много всего слышала и запомнила. Впрочем, сама А.А. не считает себя знатоком фольклора и всегда в разговорах это отмечала, что, впрочем, не мешало нам записать от нее достаточное количество материала по разным темам. Наряду с этим со слов А.А. были сделаны записи и местными клубными работниками, опрашивавшими ухотлян на тему календарных праздников¹. А.А. не только по профессии, но и по натуре просветитель. До недавнего времени у нее в избе стоял собранный ткацкий станок — когда все давно уже разобрали и перенесли ставины во дворы, а то и сожгли, А.А. показывала, как надо ткать, и сама ткала половики. Она охотно делится своими знаниями, спорит, пишет в районную газету «Каргополье». Как мы понимаем, с какой-то публикации в этой газете и начался интерес А.А. к лексикографии: время от времени там печатались списки местных диалектизмов, и А.А. тоже стала записывать «старинные слова». В 2001 г. был опубликован словарик каргопольского говора, составленный ныне покойным Н.Ф. Анниным², преподавателем каргопольского ПТУ, собирателем и большим любителем местной старины,

родом из с. Волосово, — в разговоре о своих записях А.А. упомянула его. Сама она так рассказывала об этих записях: «Много у меня слов-то... у меня очень много слов-то записано, и тут и в редакцию [газеты "Каргополье"] я отправляла, много так-то записано, но я еще не все... вспоминаются-то, знаете. Вот сейчас никакого слова старого не вспомнить. <...> Много слов-то у меня записано, целая тетрадь, вам показать? <...> Сначала была в газете у нас, а потом я уже стала и так, по оче... по алфавиту немножко записывать. Вы знаете, слова эти не приходят вот так вот, зараз. Сидишь и... чтоб они пришли — они приходят к чему-нибудь. Вот вспомнишь — ну я потом перестала записывать. Много хороших слов я еще... этих старинных вспоминала, но уже перестала записывать: как-то здоровья не хватает».

Это было произнесено, когда А.А. дала нам скопировать свою тетрадку со словами. В обычной школьной тетради начисто переписаны слова в алфавитном порядке, с толкованиями, местами встречаются исправления, но таковых совсем немного; между словами, начинающимися на разные буквы, оставлено место, вероятно, чтобы вписывать туда новые, но часто пропуска нет — место исчерпано. В этом случае слова вписываются с нарушением алфавита — туда, где есть место. В конце списка после большого пропуска дано еще несколько слов без определенной последовательности. Видимо, это то, что было записано после составления общего списка.

Толкования А.А. дает весьма краткие, чаще всего просто старается подобрать один эквивалент, более распространенный или современный по ее мнению, хотя нередко они оказываются местными же синонимами объясняемых лексем или семантически близкими словами: *Беседник — кавалер*. Лексема *кавалер* регулярно употребляется в Каргополье для обозначения ухажера, потенциального жениха: «Девки молодые, дак собирали цветы, ложили под голову, под подушку. Кавалера высматривали»³. В ряде случаев, напротив, А.А. употребляет в толкованиях лексику подчеркнута неместную, вероятно входящую в речевой обиход благодаря телевидению (*десерт, макияж*). Неко-

АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ МОРОЗ, канд. филол. наук; Российский гос. гуманитарный ун-т (Москва)